

Наш Поля Робсон

Из записок американского журналиста

Джозеф КЛАРК

От роскошного концертного зала Карнеги-холл до уличных подмостков в негритянском Гарлеме, от больших театров на Бродвее к эстраде на гулянье в Пикскилле — не рассказывают ли эти скитания Поля Робсона историю нынешней Америки простых людей?

Еще в те дни, когда величественный образ робсоновского Отелло открыл широкий путь для шекспировских спектаклей в Нью-Йорке, реакционеры травили Робсона. Уже тогда раздавались яростные крики: «Вы только подумайте: негр — негр! — будет играть на Бродвее рядом с белой Дездемоной!» Но в те времена Робсон еще мог по крайней мере появляться на Бродвее.

Тогда крупные концертные предприниматели еще дрались между собой за право устраивать гастроль Робсона. Концертные залы были битком набиты, когда этот могучий и мелодичный бас звучал в песнях негритянского народа, песнях России, Испании и других стран. Даже профессиональные критики капиталистических газет не могли найти в исполнении Робсона ничего, кроме высокого искусства. Правда, некоторые из них морщились: слова песни «Олд Мэн Ривер» в исполнении Робсона как бы меняли свой смысл. Это уже была не жалоба — это была песнь борьбы...

А теперь? Теперь люди, которые прячут свое бесстыдство за трескучими фразами об «американском веке», не пускают Робсона в концертные залы и театры, где кресла покрыты бархатом.

Они добились обратного результата. Именно теперь, как никогда за десятилетия его служения народному делу, Робсон вырос в гигантскую фигуру и как художник и как трибун...

Когда американские бомбы стали разрываться над городами Кореи, уничтожая женщин и детей, негритянский народ Америки инстинктивно ощутил свою близость к народу Кореи. В самом деле: разве эта война не отмечена всеми чертами войн белых поработителей во имя грабежа и истребления колониальных народов? А организаторы вторжения в Корею — разве это не те же, кто линчует и душит 14 миллионов американских негров?

Так, в числе первых американцев, выступивших с требованием прекратить интервенцию Уолл-стрит в Корею, были негры. Тысячи их пришли на традиционное место собраний в Гарлеме — «Гольден Гейт Аудиториум» — услышать, как Робсон будет требовать, чтобы убийству женщин и детей в Корею был положен конец. Они пришли требовать свободы и равноправия для людей, какого бы цвета кожи они ни были. Они пришли, чтобы почтить память жертв другой зверской войны, которая неустанно ведется против цветных людей Америки, — память Вилли Мак Ги, шестерых из Трентона, семерых из Мартисвил-

Поля Робсон с женой Эсландой и сыном Полем Робсоном-младшим.

ля, лишенных жизни только потому, что они негры...

* * *

До того, как началось преступление американского империализма в Корею, простых американцев потрясло одно событие. Это событие произошло в городе Пикскилле летом 1949 года — почти за год до черного похода Макартура на корейский народ.

Пикскилльская история известна всему миру. Но ее надо рассказывать снова и снова, чтобы люди могли увидеть звериный лик тех, кто отвечает за преступления в Корею. Ее надо передавать из уст в уста, чтобы все знали, что такое Робсон для Америки сегодня. Но в первую очередь о пикскилльских событиях надо напоминать для того, чтобы мир мог увидеть, что есть другая Америка, не та, которая заливает кровью Корею, а Америка белых и черных рабочих, которые не хотят, чтобы американский народ был посажен в фашистскую клетку...

Пикскилл... Маленький городок в 50 милях от Нью-Йорка. В нем нет ничего, что отличало бы его от других городков. Он окружен зеленью — это одно из немногих мест, куда рабочие и вообще трудовой люд выезжают на редкий отдых. И вот в окрестностях Пикскилла местный Комитет гражданских прав и группа прогрессивных артистов решили устроить на воздухе концерт с участием Поля Робсона.

Но имя Робсона ненавистно людям, у которых большие счета в банках. Робсон сказал миру то, что приводит реакционеров в неистовую ярость. Он сказал: «Пусть не ждут от цветных народов, чтобы они поддержали агрессивную войну против Советского Союза, страны, которая уничтожила всякое неравенство и дискриминацию наций и рас». И люди, конторы и сейфы которых находятся в высоких домах, выстроившихся на Уолл-стрите и Брод-стрите, решили: голос Поля Робсона должен умолкнуть!

Конечно, эти господа в хорошо сшитых костюмах не пожелали сами «марать руки». Они знали, что исполнителей можно купить за деньги. В любом капиталистическом государстве найдется человеческое отребье, которое возьмет нож и кастет и пустит их в ход против тех, кто верит в братство народов и в длительный мир на земле. Эти отбросы человечества были сосредоточены в Пикскилле и вокруг него в день концерта. Они и сделали то «микро-дело», которое поручалось штурмовикам в гитлеровском райе.

Мир еще помнит гитлеровские книжные костры 1933 года. Летом 1949 года мир узнал о новых кострах — из музыкальных нот и концертных пюпитров. На фотографиях, появившихся в газетах, штурмовики американского производства плясали вокруг костров и швыряли в огонь пачки нот

народных песен. Это был «апофеоз» погрома, устроенного против концерта Робсона.

Хулиганам, правда, не все удалось выполнить из их «программы», хотя их и поддерживали местная полиция и жандармы ньюйоркского губернатора Дьюи. Посетители концерта энергично защищались против атак фашистов из Американского легиона и их подпевал. Особенно прославилась оборона, организованная Говардом Фастом; ему пришлось заплатить потом тюремным заключением за верность идеям мира и демократии.

Итак, на этом концерте Робсона музыки было мало. Музыку заменили дикие зазывания хулиганов, швырявших камнями в женщин и детей. Были треск горящего дерева и шелест огня, пожиравшего концертную эстраду. Это была «музыка» американского фашизма.

Но слава и честь американских борцов за мир были отомщены ровно через неделю. Передовые рабочие, прогрессивные люди Нью-Йорка, дали себе слово, что концерт Робсона в Пикскилле состоится в следующее воскресенье во что бы то ни стало. Слово было сдержано. Концерт состоялся перед такой огромной аудиторией, какой не выдвигали никакие мюзик-холлы.

Робсон пел. Он пел перед двадцатью тысячами людей, которые нескончаемым потоком устремились из Нью-Йорка в Пикскилл.